

Переправа итальянскихъ войскъ черезъ р. Позину.

Отъ апогея къ банкротству и необходимости войны. *)

(Окончаніе). **)

Не подлежитъ сомнѣнію, что колоссальному флоту соответствовало и чрезмѣрное, колоссальное развитіе торговли и промышленности. Этотъ флотъ доставлялъ въ Германію груды сырого матеріала, обработать который германскіе заводы могли лишь, въ три и въ четыре раза увеличивъ свое производство, свое оборудованіе, свой составъ людей. Этотъ же флотъ выбросилъ на міровой рынокъ груды произведеній германской промышленности, размѣстить которыя германская торговля могла тоже, только сама примѣнившись къ его требованіямъ, къ его размаху. По свидѣтельству цифровыхъ статистическихъ данныхъ, эта торговля и эта промышленность прокармливали въ Германіи значительно большее количество рабочихъ, чѣмъ прежде, и, по крайней мѣрѣ до 1907 г., давали имъ значительно лучший заработокъ, чѣмъ прежде.

*) L'éternelle Allemagne—«Revue des deux Mondes»—отъ 15-го декабря 1915 г. Victor Bérard.

***) См. «Воен. Сборн.» № 7, 1916 г.

Состояло на жалованіи (тысячъ человѣкъ жителей).

	1882 г.	1895 г.	1907 г.
Въ промышленности . . .	5.933	8.000	10.852
Въ торговлѣ	4.339	2.165	3.341

Но могли ли вынести эту чрезмѣрную торговлю и эту колоссальную промышленность почва, подпочва, страна и народъ? былъ ли въ силахъ самъ германскій геній справиться съ такой торговлей и промышленностью? и вела ли эта работа къ дѣйствительному и прочному процвѣтанію имперіи? А такъ какъ на этомъ свѣтѣ нѣтъ прочнаго успѣха безъ согласія всего человѣчества и пользы для него, безъ согласованности съ нравственными нормами, регулирующими взаимоотношенія какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и коллективныхъ единицъ человѣчества, то могъ ли успѣхъ Германіи быть достигнутъ безъ существеннаго вреда всему человѣчеству?

То, въ чемъ Германія превосходила другіе народы, и что создало успѣхъ бисмарковской Германіи въ Европѣ 1890 г., не имѣло уже той же силы въ Европѣ и, въ особенности, во всемъ мірѣ 1910 г. Не будучи исключительными дарами природы, эти данныя не были незыблемы, вѣчны и неисчерпаемы, какъ она. Являясь преимущественно продуктомъ усилій человѣческаго разума и человѣческой воли, эти данныя, какъ всякое твореніе человѣческое, неизбѣжно должны были быть непостоянными, измѣнчивыми и ограниченными въ своемъ развитіи: ничто не приковывало ихъ къ опредѣленной мѣстности; ничто не дѣлало ихъ исключительнымъ достояніемъ какого-нибудь народа; ничто не гарантировало того же превосходства на вѣчныя времена, ни даже на завтрашній день. Германскій умъ—или, какъ тамъ говорятъ, «культура»,—создалъ (или создала) научно поставленное земледѣліе и научно поставленную промышленность, подобныхъ которымъ другіе народы 1890 г. еще не имѣли. Но ввести которыя тѣ же народы въ XX столѣтіи могли, лишь только признаютъ это желательнымъ. Германская воля—*die Disziplin*—организовала торговлю необычную для современнаго человѣчества, но все человѣчество имѣло возможность послѣдовать примѣру Германіи, лишь только убѣдится въ ущербѣ отъ германской конкуренціи.

Между тѣмъ, чѣмъ быстрее и ярче обозначались германскіе успѣхи, тѣмъ болѣе и болѣе другіе производители оказались вынужденными поступить въ обученіе къ нѣмцамъ. Вся Европа, за малыми исключеніями, была такъ же хорошо надѣлена землями

годными для обработки, какъ Германія, и притомъ болѣе богато надѣлена землями плодородными отъ природы. Ни климатъ, ни крестьяне не были лучше въ Германіи, чѣмъ по ту сторону ея границъ, а въ особенности по ту сторону океана. Германская имперія не располагала безконечными пространствами отъ природы первобытно-плодородныхъ земель, которыя составляютъ богатства Россіи, Аргентины и Канады и доставятъ имъ міровое значеніе. Имперія далеко не обладала такой площадью обработанныхъ полей, которыя навсегда обезпечиваютъ выдающееся значеніе Соединенныхъ Штатовъ, Индіи и Китая. Съ другой стороны, она не обладала и такими мѣстностями, какъ Египетъ, Халдея, Румынія, Ломбардія, ни даже такими, какъ Беосія (центръ Франціи въ древн. вѣка) и Кампанья (окрест. Рима), т. е. не обладала обширными землями на плодородной рѣкѣ, или дарами южнаго неба, орошаемыми таяніемъ ледниковъ, или оплодотворенными пепломъ вулкановъ.

Только техника минеральныхъ удобреній сдѣлала изъ Германіи не плодородную страну, а мѣсто интенсивной культуры, гдѣ научная обработка, какъ въ лабораторіи, давала результаты заранее наукой рассчитанные. Но въ любомъ мѣстѣ, обладающемъ умѣреннымъ климатомъ, такая же научная обработка могла дать тѣ же результаты, будучи произведена столь же тщательно и методически. Относительное превосходство тщательности и методичности нѣмецъ не могло одно дать Германіи существеннаго преимущества надъ другими народами и доставить имъ первое мѣсто. Уже въ 1900 г. германская агрикультура не находила тѣхъ выгодныхъ цѣнъ для своихъ произведеній, какъ прежде; у себя дома ей приходилось бороться съ ввозимымъ иностраннымъ зерномъ, причѣмъ на ней тяжелымъ ярмомъ лежала стоимость въ Германіи рабочихъ рукъ.

Дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ все болѣе многочисленные и разросшавшіеся заводы увеличивали свое предложеніе работы и заработка, все усиливался приливъ въ города крестьянъ, а въ промышленныхъ областяхъ приливъ переселенцевъ изъ земледѣльческихъ раіоновъ, въ особенности въ бассейнѣ Рура и Рейнскихъ провинціяхъ, значительный приливъ того славянскаго крестьянства съ Одера и Вислы, которое прусскіе землевладѣльцы всегда считали какъ бы рабами, прикрѣпленными къ землѣ, и съ которыми и обращались соответственно этому; прусскіе поляки сотнями тысячъ, подобно бретонцамъ въ Парижѣ, селились въ специальныхъ кварталахъ въ большихъ промышленныхъ центрахъ западной Гер-

маніи. Когда прусское земледѣліе наиболѣе нуждалось въ подъемѣ заработной платы, чтобы сохраить за собой свои рабочія руки, договоръ Маршалъ-Каприви какъ разъ облегчилъ ввозъ ржи и овса, — двухъ главныхъ продуктовъ германской земледѣльческой промышленности послѣ свекловицы и картофеля, — фуража и живого скота, причѣмъ ввозимые продукты не были обложены достаточно высокими пошлинами, чтобы удержать цѣны на должной высотѣ. Картофель лучше выдержалъ конкуренцію и Германія все еще могла съ выгодой продавать его своимъ сосѣдямъ. Но цѣны на сахаръ падали неудержимо, вслѣдствіе увеличивающагося его производства въ другихъ странахъ.

Цѣны сахара въ оптовой торговлѣ.

	1880 г.	1885 г.	1890 г.	1895 г.	1901 г.
Бѣльнъ	64,9	50,2	35,6	31,4	20,7
Магдебургъ . .	62,6	47,8	34	29,9	19,1

Да! доброе старое время, когда при великомъ канцлерѣ земледѣліе было отрадою, уже миновало!...

«Финансовое законодательство имперіи могло отнестись къ этому угрожающему явленію двойко», пишетъ фонъ-Бюловъ. «Оно могло обратить всю свою помощь въ сторону промышленности и торговли, которыя быстро развивались, и толкнуть Германію на путь превращенія въ государство исключительно промышленное и торговое, предоставивъ земледѣлію своей участи. Или же могло искусственно создать болѣе благоприятныя условія для земледѣлія и бороться противъ исключительнаго развитія промышленности, для сохраненія на ряду съ грандіозной промышленностью и мощнаго земледѣлія».

Къ первому изъ этихъ рѣшеній пришла Англія уже въ XIX столѣтіи: чтобы сдѣлаться наиболѣе промышленной страной и конторой всего свѣта, ей пришлось обезпечить своей промышленности и своей торговлѣ возможно интенсивное снабженіе по возможно низкимъ цѣнамъ, и въ своихъ поставщикахъ принимать во вниманіе лишь ихъ предложеніе, а не національность. Англія въ угоду промышленности и торговлѣ пожертвовала своимъ земледѣліемъ, не могущимъ соперничать въ дешевизнѣ съ продуктами земледѣлія континента и всего свѣта, которыми и стали кормиться англичане и ихъ заводы по возможно дешевымъ цѣнамъ.

Бюловъ, наоборотъ, ставъ канцлеромъ, остановился на второмъ изъ приведенныхъ рѣшеній, вслѣдствіе чего и провелъ свой

таможенный тарифъ 1902 г.: «Съ таможенными тарифами 1902 г.», пишетъ онъ, «я сталъ на этотъ путь вполнѣ сознательно и съ твердымъ убѣжденіемъ, что процвѣтаніе земледѣлія намъ необходимо съ точки зрѣнія экономической, но еще болѣе съ точки зрѣнія національной и спеціальной. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я обратился съ вопросомъ къ одному изъ либеральныхъ лѣвыхъ членовъ рейхстага:

«Если бы наступили тяжелые дни, упорная война или серьезная революція, думаете ли вы, что въ минуту опасности силы, создавшія могущество Пруссіи, могли бы цѣликомъ быть замѣнены новыми социальными слоями, комерческими и промышленными, каковы бы ни были ихъ достоинства и ихъ способности?» Мой политическій антагонистъ и личный другъ на мгновеніе задумался и отвѣтилъ: «Вы правы, сохраните намъ земледѣліе и даже помѣстное дворянство».

Но, сохраняя помѣстное дворянство и рѣшивъ поддержать земледѣліе, быть можетъ слѣдовало отказаться отъ того промышленнаго и торговаго завоеванія всего свѣта, которому Англіи XIX вѣка пришлось пожертвовать своего *сквайра* и своего *джентельмена-фармера*. Когда въ концѣ XIX столѣтія империализмъ въ лицѣ Чемберлена вознамѣрился возстановить земледѣліе въ Англіи, то одновременно мирился и съ мыслью отказа отъ міровой торговли, сохраняя за собою лишь «панбританскую» торговлю, подъ защитой охранительныхъ пошлинъ объединенной британской имперіи. Германія при Бюловѣ вообразила себя гораздо болѣе сильной, чѣмъ Англія время Роберта Пита: она вознамѣрилась сохранить крупное земледѣліе, развитъ колоссальную промышленность и создать міровую торговлю. Требуя отъ своей заводской промышленности возможно интенсивнаго производства для питанія своей міровой торговли, она захотѣла снабжать ее сырымъ матеріаломъ по наименѣе низкой цѣнѣ, рабочими руками по самымъ высокимъ окладамъ и продовольствіемъ для рабочихъ по наивысшей расцѣнкѣ...

Таможенная политика Бюлова по крайней мѣрѣ вновь оживила германское земледѣліе и вернула высокія цѣны время Бисмарка. Рожь, которая продавалась по 187 марокъ въ 1880 г., по 170 въ 1890 г. и по 142 марки въ 1900 г., вновь поднялась на 160 марокъ въ 1906 г., 168 въ 1911 г. и съ 1905 по 1913 г. ни разу не падала ниже 151 марки. Кривая другихъ злаковъ была такой же; паденіе цѣнъ на сахаръ и спиртъ прекратилось, счастье улыбну-

лось помѣстному дворянству и оно получило возможность посвящать королевской службѣ большое число своихъ дѣтей. Но хозлева предприятий возопили о вздорожаніи жизни и рабочіе о голодѣ, а такъ какъ новые тарифы на мясо оказались еще болѣе возвышенными, чѣмъ на зерно, то во всей имперіи разразился «мясной кризисъ». Германскіе рабочіе, до тѣхъ поръ крайне нетребовательные, мало-по-малу добились жалованья значительно превосходящаго соотвѣтственныя вознагражденія въ другихъ государствахъ континента, и оклады эти мало чѣмъ отличались отъ англійскихъ. При этомъ, по тѣмъ же причинамъ какъ земледѣліе, но еще быстрѣе, германская промышленность начинала терять въ Европѣ и во всемъ свѣтѣ престижъ неоспоримаго превосходства.

Промышленная техника является еще менѣ неразрывно связанной съ опредѣленнымъ географическимъ мѣстомъ или опредѣленнымъ народнымъ характеромъ, чѣмъ техника земледѣльческая. Такъ какъ типъ людей *homo sapiens* можно найти повсемѣстно, то научная промышленность, ставшая жизненною потребностью, всюду нашла себѣ послѣдователей. Въ теченіе XIX вѣка англійскій эмпиризмъ въ условіяхъ для успѣха промышленныхъ предприятий оставилъ значительное мѣсто импровизаціи и удачѣ. Но въ началѣ XX столѣтія всѣ на всемъ земномъ шарѣ поняли, что современная промышленность не можетъ существовать безъ помощи науки, и что только организація заранѣе продуманная, точно скомбинированная и исчисленная можетъ впредь съ прибылью разрабатывать или вырабатывать что бы то ни было, какъ бы для этого ни были благоприятны условія.

Такимъ образомъ, чтобы не отставать, всей промышленности всего свѣта пришлось равняться по германской промышленности: это вполнѣ стало ясно всѣмъ послѣ французской всемірной выставки 1900 г.; на этой выставкѣ всѣ почувствовали необходимость германской научной постановки промышленности, пропаганда которой какъ разъ въ то же время входила въ интересы германцевъ.

Отличительнымъ свойствомъ научной промышленности является изготовленіе по точнымъ неизмѣннымъ даннымъ издѣлій всегда точно одинаковыхъ: все экспортируемое изъ Германіи являлось такимъ образомъ моделями, которыми можно было руководствоваться. Съ другой стороны научныя изобрѣтенія, благодаря законамъ о патентахъ, стали собственностью, которую можно было продать или сдавать на пользованіе: прямой выгодой нѣмецкихъ изобрѣтателей было—либо продать свое изобрѣтеніе наиболѣе дающему, либо пе-

редать право на использование имъ, возможно большому числу лицъ; въ періодъ съ 1900 по 1910 г. продажа патентовъ и правъ на воспроизводство патентованныхъ издѣлій стали для германцевъ источниками весьма крупныхъ доходовъ. Наконецъ, техническія знанія и техническая умѣлость для обладателей ими являются капиталомъ, изъ котораго подобно всякому капиталу можно извлечь доходы вездѣ, гдѣ только занимаются промышленностью; но этотъ капиталъ цѣнится гораздо больше у народовъ не богатыхъ подобнымъ капиталомъ—въ виду этого германскій техникъ приглашался на службу во всѣ промышленные центры всего міра, получая при этомъ лучшее вознагражденіе, чѣмъ у себя дома. Въ XVI вѣкѣ повсюду въ Европѣ распространились нѣмецкіе мастера печатнаго дѣла, являясь пионерами возрожденія просвѣщенія и литературы. Въ XX вѣкѣ германскій химикъ, инженеръ и конторщикъ всюду содѣйствовали возрожденію промышленности и торговли. Эта міровая эксплоатація своей научной подготовки конечно доставила германскому народу прекрасные барыши. Но каково отзывалось это на міровой монополіи Германіи? Каждый заводъ, поставленный на германскую ногу, открытый гдѣ-бы то ни было, являлся для нея камнемъ преткновенія; многіе изъ этихъ филиальныхъ заводовъ только и ждали возможности нѣсколько расшириться, чтобы побороть породившую ихъ соотвѣтственную германскую промышленность, а нѣкоторые изъ нихъ, заложенные на болѣе благоприятныхъ мѣстахъ и при болѣе благоприятной почвѣ, овладѣли міровой клиентурой—въ ущербъ Германіи.

Такъ какъ имперія оказывалась все менѣе и менѣе обеспеченной минеральными богатствами и текстильнымъ сырымъ матеріаломъ, которые нужны были ей для овладѣнія мировымъ рынкомъ, германской заводской промышленности приходилось все получать или издалека, или съ англійскихъ рынковъ. Германія была слабо снабжена и тѣми новыми источниками энергіи, которые примѣнялись ея техниками взамѣнъ угля и пара—нефтью и ея производными—бензиномъ и керосиномъ. Значительно уступая Англій въ богатствѣ каменнымъ углемъ, она еще въ большей мѣрѣ, относительно новыхъ источниковъ энергіи, уступала Италіи, Румыніи, Швеціи, Россіи и Сѣв.-Американскимъ Штатамъ. Естественно, что германскій заводъ, перенесенный на англійскія каменноугольныя копи, мѣдные рудники или хлопковыя плантаціи Америки, въ обильно орошенную Ломбардію, къ естественнымъ источникамъ энергіи или въ область нефтяныхъ источниковъ Аллегановъ—давалъ пышный расцвѣтъ.

Въ 1905 г. Англія уже страхнула съ себя свое увлеченіе империализмомъ, вновь съ упорствомъ принялась за научныя изслѣдованія, за книги, за исчисленія, за работу въ лабораторіяхъ, и вновь заняла свое прежнее мѣсто по научнымъ открытіямъ и ихъ практическому примѣненію. Франція по части постройки автомобилей и аэроплановъ, по части бактериологін и беспроволочному телеграфированію вновь завоевала восхищеніе и довѣріе всего міра, и когда теперь во всемъ свѣтѣ искали самое современное производство, самое послушное новѣйшимъ указаніямъ науки, самое приспособленное и быстрѣ всѣхъ примѣняющееся, то глаза не обращались уже болѣе въ сторону крупновской Германіи, а въ сторону адиссоновской Америки.

Совершенство техники было монополіей бисмарковской Германіи: за Германіей Вильгельма II осталась лишь одна «колоссальность». Но и здѣсь недочеты германскаго торговаго мореплаванія ясно указывали на то, къ чему долженъ привести «новый курсъ».

Германскій флотъ всю свою будущность построилъ на *колоссальности*, полагая, что чѣмъ больше будетъ вмѣстимость его трюмовъ, чѣмъ больше оборотовъ въ минуту будутъ давать его паровыя машины и дѣлать его винты, тѣмъ скорѣе онъ достигнетъ мірового владычества. Послѣ судовъ въ 26.000 тоннъ, онъ спустил суда въ 30, 35, 40 и 45.000 тоннъ и превзошелъ, наконецъ, всѣ остальные флоты спускомъ своихъ *Imperator*—въ 50.000 тоннъ. Но вотъ *колоссальность* то какъ разъ на моряхъ и обанкрутилась: учетверяя и удесятеряя расходы на постройку и стоимость судовъ, рѣдко вмѣстѣ съ тѣмъ удается учетверить ихъ доходность: за извѣстными предѣлами усилія человѣческаго становятся непродуктивными; за предѣломъ извѣстной высоты *колоссальный* Монбланъ становится бесплоднымъ, и нигдѣ въ современномъ мірѣ разведеніе мамонтовъ не покрыло бы потребныхъ на это расходовъ.

Гамбургъ уже думалъ объ уменьшеніи тоннажа своихъ монстровъ и уже началъ продавать ихъ по какой угодно цѣнѣ. Только англійскія каменноугольныя копи, чилійскія селитряныя копи и богатая нефтью Россія могли бы съ прибылью наполнить столь гигантскія трюмы, такъ какъ ихъ богатство заключается въ неисчерпаемости самихъ залежей, а не въ особомъ достоинствѣ труда мѣстнаго населенія. Но при бѣдной почвѣ и посредственной подпочвѣ Германія обладала лишь энергичнымъ, умѣлымъ и научно хорошо подготовленнымъ населеніемъ; въ виду этого она могла дать міру только ограниченное производство, результатъ своей интенсивной

научно-технической дѣятельности, монополію которой она притомъ съ каждымъ днемъ все болѣе утрачивала, въ виду успѣшности соревнованія въ этой области другихъ народовъ.

Германская промышленность съ 1905 по 1910 г. все же сохраняла за собою нѣкоторыя крупныя спеціальности, въ которыхъ Европа напрасно пыталась съ нею сравняться. Германскіе оптическіе приборы, германскія лекарства и германскія краски правда имѣли конкурентовъ, но во всемъ мірѣ не имѣли себѣ равныхъ. Такимъ образомъ, въ Германіи, которой успѣхъ въ прежнее время достался благодаря наукѣ, въ настоящее время самыми выгодными производствами оказались тѣ, которыя велись наименѣе строго-технически, тѣ, которыя были наиболѣе *unwissenschaftlich*, т. е. наименѣе научными: во всѣхъ остальныхъ стало очевиднымъ, что если немного науки ведетъ къ благосостоянію, а много—къ богатству, то чрезмѣрно много науки можетъ промышленности повредить, такъ же, какъ слишкомъ много свѣта вредитъ глазу, и слишкомъ много кислорода—легкимъ.

Наука и промышленность не синонимы и не однородны по характеру своей дѣятельности. Ученый старается достигнуть намѣченной цѣли наиболѣе научнымъ способомъ, возможно прямымъ путемъ и въ совершенномъ видѣ; онъ почти никогда не унижаетъ себя жалкими расчетами прибылей и расходовъ: онъ стремится творить, а не наживать, или, по крайней мѣрѣ, болѣе увлекается творчествомъ, чѣмъ наживой. Промышленность не можетъ быть столь безкорыстной: вынужденная дать заработокъ служащимъ и доходы на затраченный капиталъ, она должна производить все возможно дешевымъ, простымъ способомъ и сообразовать предпринимаемое, какъ и свои расходы не со стремленіемъ достигнуть самой совершенной выработки, а со вкусами и требованіями своихъ покупателей.

За послѣдніе двадцать лѣтъ появилось много описаній, критическихъ и хвалебныхъ, германской фабрично-заводской промышленности. Авторъ статьи указываетъ на вторую книгу Виктора Камбона «*L'Allemagne au travail*», какъ на трудъ наиболѣе серьезный и вмѣстѣ съ тѣмъ доступный для широкой публики. Камбонъ въ первой книгѣ разбираетъ Германію 1887 года, причемъ отмѣчаетъ зарождающееся развитіе германской промышленности. Вто-

рая книга даетъ, вмѣстѣ съ описаніемъ развитія этой промышленности, и указанія на главныя причины такого развитія. Авторъ, самъ профессиональ этого дѣла, относится ко всему описываемому имъ съ неизмѣнною похвалою, за рѣдкими исключеніями. Но въ 1908—1909 гг., когда онъ писалъ свою книгу, послѣдствія германскихъ методовъ еще полностью не проявились, такъ что авторъ, устанавливая принципы, не могъ руководствоваться тѣми результатами, которые теперь для насъ стали ясными.

«Германскій заводъ, или фабрика, говоритъ Камбонъ, обыкновенно бываютъ весьма крупными. Пропали маленькія старенькія обзаведенія, заплатанныя, съ разнородными пристройками, возведенными по мѣрѣ необходимости расширенія дѣла. Культъ этихъ пережитковъ другой эры предоставленъ другимъ народамъ: нѣмецкій патронъ предпочитаетъ разрушить и перестроить вновь свои прежнія мастерскія, такъ какъ считаетъ болѣе выгоднымъ понести расходы по перестройкѣ, чѣмъ терпѣть неудобство и постоянно платить за излишнія рабочія руки, что неизбежно при нерациональномъ размѣщеніи».

Научно—это прекрасный принципъ: возведеніе всего сызнова, заново всегда было основой всякой дѣйствительно научной работы. Но промышленная спекуляція должна считаться съ другими, для нея основными, факторами. Наука можетъ пренебречь прошлымъ, изучать только современное и работать для будущаго. Будущее для промышленности—это доходъ, это прибыль съ затраченнаго капитала; настоящее—это капиталъ уже ранѣе затраченный и пока это прошлое не погашено, оно предъявляетъ требованія, которымъ промышленникъ долженъ покориться, если не желаетъ идти прямымъ путемъ къ разоренію. Германская заводская промышленность всегда считала настоящее, т.-е. вопросъ о необходимомъ капиталѣ, вопросомъ второстепеннымъ; она вводила въ свои расчеты будущее, т.-е. необходимую прибыль въ минимальномъ размѣрѣ; она почти всегда упускала изъ вида прошлое, т.-е. необходимость погашенія уже затраченнаго капитала.

Передъ однимъ изъ мозельскихъ сталезаводчиковъ, рассказываетъ Камбонъ, молодой инженеръ излагаетъ результаты новаго способа обработки, начиная при этомъ съ исчисленія стоимости этого нововведенія: «Потрудитесь излагать въ обратномъ порядкѣ», прерываетъ его патронъ, «скажите мнѣ сперва, каковы преимущества по качеству, по сокращенію рабочихъ рукъ, по ускоренію производства; о расходахъ, вопросъ второстепенномъ, если результаты ихъ оправдываютъ, мы поговоримъ потомъ».

Можно сказать, что вся германская промышленность была научнымъ предпріятіемъ того же рода: «Когда разсмотрѣніе новаго способа выработки», добавляетъ Камбонъ, «доказываетъ, что его примѣненіе дастъ въ результатѣ болѣе 10 процентовъ на затрачиваемый капиталъ, считая въ томъ числѣ и отчисленія на погашеніе капитала, то можно быть увѣреннымъ, что онъ будетъ принятъ, и что примѣненіе этого способа послѣдуетъ немедленно; не надо ждать, чтобы новое устарѣло».

Это опять-таки одно изъ основныхъ правилъ науки, которая не должна отставать, хотя бы на одинъ только день, отъ данныхъ новѣйшихъ научныхъ открытій, такъ какъ устарѣвшія данныя имѣютъ всѣ шансы оказаться ложными. На какомъ солидномъ расчетѣ можетъ построить свое дѣло промышленникъ, рассчитывая на прибыль въ 10 процентовъ на затрачиваемый капиталъ, полагая *въ томъ числѣ и погашеніе капитала*, если у него нѣтъ при этомъ главной данной, т.-е. опредѣленнаго времени для этого погашенія? Если бы германская заводская промышленность приняла за правило фундаментально перестраивать свое производство каждые двадцать лѣтъ, то у нея были бы данныя для такого расчета. Если бы при этомъ эволюція техники заставила ее уже черезъ десять лѣтъ ввести кое-какія нововведенія, то въ балансѣ ея оказались бы нѣкоторые недочеты, но прибыль, переставъ быть хорошей, все же оказалась бы удовлетворительной. Что случилось бы съ наукой, или научной промышленностью, отстающей на двадцать, или хотя бы только на десять лѣтъ? Но такъ какъ каждый день приноситъ новыя научныя данныя, или новыя техническія усовершенствованія, а каждый годъ производитъ въ этой области полную революцію, то за послѣдніе двадцать пять лѣтъ Германія срывала и вновь возводила свои заводы и фабрики не изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, а ежегодно, или почти ежегодно... Что же при этомъ происходило съ ихъ расчетомъ «на погашеніе въ томъ числѣ и капитала?»

Вопросъ еще болѣе важный: было ли хоть когда нибудь установлено на практикѣ, что доходъ въ 10 процентовъ является прибыльнымъ и достаточно обезпечивающимъ капиталъ, вложенный въ промышленное предпріятіе? Самые смѣлые изъ французскихъ и англійскихъ капиталистовъ развѣ рискнули бы пустить въ ходъ на такихъ основаніяхъ рядъ предпріятій, даже при томъ условіи, что среди своихъ согражданъ легко могли достать капиталы изъ четырехъ или четырехъ съ половиной процентовъ.

Германская заводская промышленность занимала капиталы изъ

6 и 7 процентовъ, рассчитывая при этомъ всего на 10 процентовъ прибыли, при условіи погашенія изъ нихъ и капитала!.. При такихъ данныхъ, можно сомнѣваться, чтобы ея расчеты на рискъ были болѣе обоснованы, чѣмъ ея расчеты на погашеніе, которые, по правдѣ говоря, были совершенно призрачными, въ виду основнаго условія для ея жизненности, т.-е. при необходимости постоянного обновленія, чтобы не отставать отъ послѣднихъ данныхъ науки. Это же самое постоянное обновленіе не давало возможности должнымъ образомъ опредѣлить выгоды и невыгоды даннаго способа обработки, такъ какъ прибыль отъ даннаго способа можетъ быть точно опредѣлена только послѣ восьми до десяти производствъ по этому способу; но задолго до этого срока германскіе заводы успѣвали переходить уже къ новому, а иногда и еще болѣе новому способу производства.

Разумные дѣловые люди, пускающіе въ оборотъ свои капиталы, осторожны въ своихъ расчетахъ на успѣхъ, сдержаны въ смѣлости своего риска, требовательны по отношенію къ предварительной смѣтѣ погашенія капитала. Легкій кредитъ раздуваетъ надежды, усыпляетъ совѣсть и опасенія, а когда люди науки дѣлаются изобрѣтателями, всѣмъ извѣстно съ какимъ довѣріемъ они сейчасъ же относятся къ своимъ теоретическимъ расчетамъ: тамъ, гдѣ старый опытный строитель въ своихъ расчетахъ принимаетъ лишь 40 до 45 процентовъ теоретической прочности матеріала, молодой инженеръ вводитъ 60 до 70, но это часто является гибельнымъ для возводимой имъ постройки, что научаетъ его правильно обращаться съ теоріями и ихъ цифровыми данными.

Ученая германская заводская промышленность самонадѣянно принялась за дѣло, не считаясь съ установившейся практикой прежнихъ временъ: взамѣнъ англійскаго эмпиризма и небольшихъ французскихъ мастерскихъ, взамѣнъ веденія дѣлъ по уже выработаннымъ шаблонамъ и по личному творчеству, она ввела цифровую технику; причемъ, примѣняясь къ новымъ и новымъ требованіямъ науки, надсмѣхалась надъ невѣжествомъ англичанъ, осторожностью французовъ и боязливостью капиталистовъ. Она не была богата и, живя въ кредитъ, съ одинаковою смѣлостью рисковала громадными занимаемыми капиталами и незначительными, прибавляемыми ею самою, крохами. Она все занимала и занимала подъ всевозможными видами: подъ видомъ акцій, облигацій, чековъ, удвоенія и утроенія основныхъ капиталовъ. Она находила неизмѣнно услужливыхъ дисконтеровъ въ лицѣ англійскихъ бан-

ковъ, которыхъ въ теченіе періода съ 1890 по 1900 г. имъ удалось такъ же прельстить, какъ и самое англійское правительство, и которые, и послѣ 1900 г., оставались столь же неизмѣнно благосклонными, не смотря на выяснившуюся враждебность Германіи, благодаря усиліямъ берлинскихъ и франкфуртскихъ эмиссаровъ. Еще въ 1915 г. Англія убѣждается, что фиапсовая Германія провела своихъ делегатовъ даже въ число ближайшихъ совѣтчиковъ короля, что сэръ Эрнестъ Кассель, едва натурализованный въ Англіи, подаетъ совѣты англійскому королю въ угоду и въ интересахъ императора германскаго! Сколько герmano-американцевъ играли такую же роль при финансовыхъ короляхъ Америки и сколько финансовыхъ обществъ во Франціи ту же роль по отношенію къ кассѣ сбереженій французскаго народа! Когда послѣ теперешней войны Франціи придется разсчитаться съ иностранными банками, тогда только мы увидимъ, сколько французскихъ денегъ уплыло въ нѣмецкіе карманы.

Германская промышленность искала займовъ—и весь міръ, зачарованный искусствомъ побѣды 1870—71 гг., не былъ въ силахъ отказать ей въ ссудѣ для столь же искуснаго завоеванія мірового рынка. «Германскія фирмы, говоритъ Камбонъ (стр. 52), давая крупные дивиденды, въ то же время ежегодно отчисляютъ въ резервные капиталы и на погашеніе громадныя суммы; но эти резервные капиталы и эти отчисления на погашеніе большею частью сейчасъ же вновь расходуются на покупку новыхъ матеріаловъ и на расширеніе предпріятія. Германскій промышленникъ—это упорный игрокъ, который, выигрывая, все вновь ставитъ на карту и, даже проигрывая, прекращаетъ игру только тогда, когда у него нѣтъ больше денегъ: сколько разъ мнѣ приходилось слышать, что надо пользоваться годами, когда испытываешь кризисъ, чтобы возобновлять свое оборудованіе!»

Эта безудержная спекуляція основывалась на самомъ колоссальномъ кредитѣ, которымъ когда бы то ни было промышленность пользовалась въ своемъ государствѣ и во всемъ свѣтѣ, пока длилось благодарное, но и немного наивное восхищеніе сосѣднихъ рынковъ, на которые германская промышленность выбрасывала свои произведенія по низкимъ цѣнамъ и, говоря откровенно, пока господствовалъ страхъ передъ непобѣдимымъ кайзеромъ, упорные германскіе игроки никогда не испытывали недостатка въ деньгахъ. Но съ 1905 г., послѣ рѣчи въ Танжерѣ, надѣлавшей столько шума и такъ мало дѣла, храбрость народовъ и недовѣріе финансистовъ

возрождаются; затѣмъ съ 1905 по 1911 г. каждая фанфаронада кайзера, вызывавшая непочтительный смѣхъ толпы, заставляла туже затягиваться кошель заимодавцевъ, а агадирское нападеніе имѣло послѣдствіемъ банковскій рипостъ, который чуть было не подорвалъ все зданіе германскаго имперіализма: Германіи вдругъ пришлось вернуть часть, правда, часть незначительную своихъ займовъ, но при этомъ обнаружилось на какой непрочной почвѣ зиждется въ дѣйствительности монументальный фасадъ германской промышленности.

При трудномъ поворотѣ 1911 г. германская машина потребовала особаго колоссальнаго нажима... Но лишь только Агадиръ былъ пройденъ, балканскія войны заставили сдѣлать новый, а затѣмъ еще новый нажимъ. За всѣми этими поворотами рисовалось распаденіе австро-венгерской имперіи и потеря для германской промышленности этого, столь удобнаго кліента, вассальность котораго въ торговомъ отношеніи была еще болѣе полной, чѣмъ въ дипломатическомъ.

Уже всѣ заимодавцы Германіи начали проявлять большую осторожность, а французская сберегательная касса (народныхъ сбереженій), вновь, наконецъ, проникшись патріотическимъ сознаниемъ, отказала швейцарскимъ и австрійскимъ посредникамъ въ той помощи, которую до тѣхъ поръ такъ широко имъ оказывала. Побѣда германской имперіи создала успѣхъ германской промышленности и торговли. Неудачи этой имперіи ставили ихъ въ затруднительное положеніе. Съ 1911 г. многіе пессимисты въ Германіи видѣли спасеніе экономическаго положенія страны только въ новомъ окрещеніи военной славой.

Въ карманахъ Франціи, съ которой легко можно покончить въ три недѣли, найдется три десятка миллиардовъ—одинъ десятокъ на покрытіе расходовъ и усиленіе арміи, одинъ на упроченіе промышленности и торговли и еще одинъ на усиленіе флота, чтобы дать ему возможность въ 1920 г., послѣ маленькой кампаніи 1914 г., вести крупную операцію противъ Англіи, подобно тому какъ операція 1870 г. противъ Франціи послѣдовала за маленькой кампаніей 1866 г. противъ Австріи... Война, война во что бы то ни стало—вотъ послѣдняя надежда, вотъ къ чему свелись всѣ помыслы имперіалистической Германіи.

Но въ 1911 г. государственные дѣятели, стоявшіе во главѣ германской дипломатіи, германской политики и германской политической экономіи, повидимому, еще не присоединялись къ этой точкѣ зрѣнія: не смотря на крутость и неожиданность поворотовъ, они думали, что новое усиліе государственной машины съ ними справится; они все еще твердо вѣровали въ прочность этой машины и непоколебимую мощь своего народа.

«На первый взглядъ, говорить Камбонъ, промышленная система Германіи кажется убыточной: промышленныя общества затрачиваютъ на дорого стоящія оборудованія, непрестанно мѣняемыя, невѣроятныя суммы. Но если «новый» заводъ при ста рабочихъ можетъ сдѣлать ту же работу, которую старый заводъ дѣлаетъ при двухстахъ рабочихъ, то весьма понятно, что новый заводъ будетъ имѣть ежегодное преимущество надъ старымъ; такъ какъ старый заводъ, положимъ, на оборудованіе затратилъ на 500.000 франковъ менѣе, чѣмъ новый, что, при погашеніи изъ 10 процентовъ, составляетъ ежегодную экономію въ 50.000 франковъ, но въ то же время онъ ежегодно уплачиваетъ на 100.000 франковъ болѣе жалованья рабочимъ, т. е. въ результатъ на ту же работу затрачиваетъ ежегодно на 50.000 франковъ болѣе, чѣмъ новый. Но, чтобы ежегодно дѣлать экономію въ 100.000 франковъ на жалованіи рабочимъ, надо затратить на модернизацию оборудованія не 500.000 франковъ, какъ полагаетъ г. Камбонъ, а нѣсколько милліоновъ; кромѣ того, по той быстрой послѣдовательности, съ какой Германія модернизировала свои оборудованія, погашеніе капитала слѣдуетъ считать не изъ 10 процентовъ, а изъ 20, или даже 25. Считая минимально на два милліона расходовъ по 15 процентовъ на погашеніе, мы получимъ ежегодный расходъ въ 300.000 франковъ противъ эфемерныхъ, никогда не оправдываемыхъ, 100.000 франковъ экономіи.

Если бы модернизовавшій свое оборудованіе заводъ, рассчитавъ часть своего рабочаго персонала, то этотъ персоналъ былъ бы немедленно перехваченъ сосѣднимъ конкурирующимъ заводомъ, а слѣдовательно расходы на вознагражденіе рабочихъ въ общемъ балансѣ германской промышленности отъ этого не уменьшились бы. На практикѣ переоборудованный заводъ сохранялъ всѣхъ своихъ рабочихъ; но для того, чтобы покрыть сразу, какъ прежніе, такъ и новые расходы, онъ удваивалъ количество своихъ машинъ, а слѣдовательно и своего производства. Каждое переоборудованіе являлось такимъ образомъ новымъ фатальнымъ увлеченіемъ въ области

интенсивнаго расширенія промышленности. И каждый день приходилось увеличивать производство, чтобы на другой день еще его увеличить.

Но когда производишь, надо продавать, а когда удваиваешь производство, удваивать сбытъ, и когда главная часть кліентуры заграничная, то ежегодно удваивать свой вывозъ, а когда у себя не имѣешь сырого матеріала, то въ той же пропорціи увеличивать и свой ввозъ; въ концѣ концовъ приходится все болѣе и болѣе подчиняться требованіямъ заграничныхъ поставщиковъ и капризамъ міровой кліентуры. Собственникъ фабрики шварцвальдскихъ часовъ уже въ 1907 г. разъяснялъ мнѣ, насколько обѣ эти данныя отражаются на прибыльности и даже на жизнеспособности его дѣла.

Въ бисмарковскія времена онъ ежегодно выпускалъ около двадцати пяти тысячъ часовъ, изъ которыхъ четыре пятыхъ продавалъ въ Германіи и одну пятую внѣ ея предѣловъ. Въ Германіи въ то время было мало часовъ, и всѣ ими обзаводились; фабрикъ въ имперіи было очень мало; охранительныя пошлины ограждали производство отъ иностранной конкуренціи: двадцать тысячъ часовъ легко и выгодно продавались въ имперіи и покрывали всѣ расходы по всему производству. Остальныя пять тысячъ часовъ составляли прямой чистый барышъ: ихъ сбывали въ другія государства, особенно въ Англію, безъ особаго барыша, конечно, по изготовительной цѣнѣ; но пять тысячъ часовъ, даже по десяти марокъ только, составляли чистый барышъ въ пятьдесятъ тысячъ марокъ.

Въ періодъ съ 1890 по 1900 г. этотъ фабрикантъ удвоилъ свое ежегодное производство, между тѣмъ, какъ вокругъ него конкуренты воздвигали новыя фабрики. Но въ имперіи почти всѣ дома уже обзавелись часами, и какъ бы часы германской выдѣлки ни были недолговѣчны, они все же выдерживали лѣтъ десять, двадцать, такъ что имперія оказалась наводненной часами своего производства. Отсюда уменьшеніе числа покупателей и паденіе цѣнъ внутри государства. Фабрика въ предѣлахъ имперіи стала покрывать лишь три четверти своихъ расходовъ. Внешніе рынки должны были покрыть недостающую часть и дать доходъ. Но и тамъ, благодаря германской конкуренціи, приходилось продавать свои часы по все болѣе и болѣе низкимъ цѣнамъ и покупать необходимые матеріалы на все болѣе и болѣе тяжелыхъ условіяхъ. Но и при этихъ ухудшившихся условіяхъ, дѣло все еще да-

вало чистую прибыль, которая однако уже никогда не достигала упомянутыхъ пятидесяти тысячъ марокъ; при удвоенномъ производствѣ фабрика стала давать на 25 процентовъ меньше дохода.

Между 1900 и 1905 гг. онъ вновь болѣе, чѣмъ удвоилъ свое производство, и всѣ его конкуренты поступили также. Конечный результатъ оказался таковымъ же, какъ и за предшествовавшее десятилѣтіе: при удвоенномъ производствѣ—удвоенный сбытъ при вдвое ухудшившихся условіяхъ продажи, кліентурѣ, заграничная часть которой возросла въ три и даже четыре раза; при этомъ иностранные рынки, привыкшіе покупать германскія производства по грошевымъ цѣнамъ, отказывали товарамъ германскаго производства въ томъ повышеніи цѣнъ, на которое соглашались въ отношеніи товаровъ англійскаго и французскаго производства, такъ какъ всегдашнимъ свойствомъ этихъ послѣднихъ была дороговизна, нѣмецкіе же товары всегда были и должны остаться дешевкой. «Дѣлая расчетъ такъ, какъ это принято во Франціи, добавилъ баденскій фабрикантъ, воспитанный въ Швейцаріи и привыкшій къ обычаемъ своихъ французскихъ корреспондентовъ, я не выручаю въ настоящее время и 4 процентовъ чистыхъ на затраченный капиталъ. Мои сосѣди скажутъ вамъ, что они выручаютъ 12 и 14 процентовъ; дѣло въ томъ, что они считаютъ на нѣмецкій ладъ, принимая въ расчетъ лишь первоначальный основной капиталъ; когда ихъ фабрика, начавшая свое дѣло съ основнымъ капиталомъ въ 100.000 марокъ, приноситъ имъ въ настоящее время чистыхъ 15.000 марокъ, они твердятъ, что получаютъ 15 процентовъ; но они забываютъ, что за это время ихъ фабрика поглотила, какъ моя, всѣ приносимые ею доходы за десять лѣтъ, или въ нее вложено добавочно еще 200, 300.000 марокъ—а при этомъ условіи едва очищается 4 процента въ ожиданіи еще худшаго».

Стоимость часовъ продолжала падать; стоимость необходимаго матеріала все возрастала и онъ былъ въ полномъ отчаяніи отъ цѣнъ за послѣдніе четыре года: 126 въ 1904 г., 149 въ 1905, 186 въ 1906 и 188 въ 1907 г.! И при этомъ надо было находить деньги, чтобы постоянно модернизировать оборудованіе, чтобы еще удвоить производство и оклады, и въ результатѣ еще удвоить запруженность рынка!

Около 1890—1895 гг. еще можно было вывозить часы въ Лондонъ; въ 1907 г. въ Берлинѣ въ продажѣ вновь появились англійскіе часы, а въ Гамбургѣ—американскіе; англійскіе имѣли за собою моду, снобизмъ, предпочтеніе людей богатыхъ, а американ-

ские — грандіозность предпріятій новаго свѣта, гдѣ германская наука орудуешь при условіяхъ въ десять разъ болѣе благоприятныхъ, со сто разъ большими капиталами! Вскорѣ и въ имперіи пришлось бы продавать въ убытокъ, подобно тому, какъ на иностранныхъ рынкахъ.

Въ виду этого, этотъ миролюбивый баденскій фабрикантъ уже въ 1907 г. совѣтовалъ своимъ французскимъ друзьямъ возможно скорѣе войти въ соглашеніе съ императоромъ (кайзеромъ) о закрытіи континентальнаго европейскаго рынка для всѣхъ постороннихъ (въ томъ числѣ конечно и Англіи); иначе германская *культура*, которая создала свою промышленность, чтобы быть въ состояніи нести тяжесть своего вооруженія, будетъ принуждена, говорилъ онъ, пустить въ ходъ свое оружіе, чтобы облегчить и даже спасти свою промышленность.

«*Zollverband*, таможенный союзъ», говорилъ Вильгельмъ II своимъ берлинцамъ въ 1907 г.

Въ 1907 г. упомянутый фабрикантъ часовъ видѣлъ бы въ континентальномъ таможенномъ союзѣ спасеніе баденскихъ фабрикантовъ часовъ, спасеніе всѣхъ германскихъ промышленниковъ и настоящій рай для ихъ европейской кліентуры, которая въ такомъ случаѣ въ полной мѣрѣ пользовалась бы произведеніями *культуры* и благодѣяніями германской организаціи. Но онъ сознавалъ, что рай не для міра сего, а потому былъ готовъ удовлетвориться *Kartellverband* омъ, интернаціональной ассоціаціей національных *картелей* подъ арбитражемъ большихъ германскихъ *картелей*.

Картели—это ассоціація производителей одной общей специальности, которые между собою входятъ въ соглашеніе, ограничивающее максимумъ производства или продажи каждаго изъ членовъ, и которая задалась цѣлью заставить свою кліентуру платить цѣны не ниже опредѣленныхъ минимальныхъ цѣнъ. *Картели* были удобствомъ въ бисмарковскій періодъ—онъ сталъ необходимостью при «новомъ курсѣ». Дѣло въ томъ, что за послѣдніе двадцать лѣтъ, между германской промышленностью и торговлей возникла все болѣе и болѣе увеличивающаяся рознь, даже въ предѣлахъ одного и того же предпріятія: «техническая дирекція фирмъ, говоритъ Камбонъ, въ большинствѣ случаевъ вполнѣ независима отъ коммерческаго управленія фирмою; иногда даже промышленная и торговая части находятся въ рукахъ двухъ разныхъ обществъ, причемъ одно общество только продаетъ издѣлія другого; этимъ

стремятся устранить ежедневные конфликты, столь часто возникающіе между персоналами этихъ двухъ отраслей». Можетъ быть такимъ образомъ и устраняются повседневные конфликты, но при этомъ теряется и та постоянная согласованность, безъ которой промышленность уже не отвѣчаетъ потребностямъ торговли, и притомъ, конечно, превышая ихъ: такъ какъ при этомъ производство не согласуется съ потребностью рынка, то спросъ перестаетъ регулировать предложеніе; наоборотъ, предложеніе пытается регулировать спросъ и при помощи *картеля* старается навязать свои требованія.

«Въ настоящее время, пишетъ Камбонъ въ 1908 г., конкуренція на германскомъ и міровомъ рынкахъ такова, что производители не могутъ болѣе разсчитывать нажитья на своемъ производствѣ, если оно не защищено *картелемъ*, или не находится почему либо въ исключительно выгодныхъ условіяхъ».

Первые почитатели германскаго *картеля* разъясняли разницу между нимъ и американскимъ *трестомъ* слѣдующимъ образомъ: *трестъ*—это оружіе для достиженія господства и возможности грабительства въ торговлѣ; *картель*—это честное и мирное орудіе урегулированія и улаженія, актъ братскаго объединенія трудолюбивыхъ производителей, которые хотятъ только оградить себя отъ измышленій какихъ-нибудь спекулянтовъ и вреда отъ скупости своей кліентуры. Въ мирное бисмарковское время *картели*, быть можетъ, и могъ играть такую добродѣтельную роль: дѣло касалось тогда раздѣла между германскими производителями исключительно кліентуры германскаго рынка, огражденнаго покровительственными тарифами. Но съ того дня, когда ареной германскихъ вождельній сталъ міровой рынокъ, что иное могъ сдѣлать *картели*, какъ предложить всѣмъ производителямъ міра—братство (т. е. соглашеніе) или смерть? И когда могущественные *картели*, какъ угольный, металлургическій, мореплаванія и т. п., въ лицѣ императора и близкихъ ему лицъ имѣли акціонеровъ столь же жадныхъ къ наживѣ, какъ и скорыхъ на угрозы, то понятно, какое давленіе ихъ требованія могли оказать на германскую политику.

Въ 1914 г. крупные *картели*, въ феодальной имперіи Вильгельма II, сыграли такую же роль, какъ крупные феодалы времени романо-германской священной имперіи: это они объявили своему властелину, что съ потерей своихъ доходовъ не смогутъ болѣе ручаться за свою вѣрность и за вѣрность своихъ людей, что Германія 1914 г., подобно Германіи 1114 г., не можетъ болѣе жить на свои

собственные средства, а потому ей необходимо поработить ее соседа. Учреждение акционерного предприятия существовало в Англии между 1880 и 1890 гг., *Companу limited* дало толчекъ къ зарождению чемберленовскаго империализма и было непосредственной причиной возникновенія южно-африканской войны. Специфически германское учреждение *картеля* является главнымъ виновникомъ войны теперешней. Вильгельмъ II лишь послушался своихъ соакціонеровъ: въ 1914 г. одинъ изъ французскихъ министровъ предупреждаетъ свое правительство, что собраніе крупныхъ металлурговъ въ Дюссельдорфѣ требуетъ войны, какъ единственнаго средства, чтобы выйти изъ создавшагося положенія и погасить долги, громадные долги германской промышленности, путемъ подчиненія всего континентальнаго рынка контролю германскихъ *картелей*.

Французская широкая публика часто высказывала удивленіе по поводу того, что богатая, процвѣтающая и все разрастающаяся германская промышленность не удержала своего правительства отъ объявленія войны, которая могла ее разорить и ни въ какомъ случаѣ не могла ей оказать услуги, такъ какъ, повидимому, уже не подлежало сомнѣнію, что экономическое господство надъ Европой и всѣмъ міромъ ей обезпечено. Въ дѣйствительности же «новый курсъ» привелъ всѣ германскія предприятия на край банкротства и война 1914 г. была прыжкомъ въ пространство, чтобы попытаться избѣжать паденія въ пропасть. Банкротство или война съ цѣлью ограбленія; разореніе Германіи — или порабощеніе Европы: вотъ дилемма, къ которой въ 1914 г. привели бисмарковскую имперію властолюбивые замыслы Вильгельма II.

М. Кривъ.

Славянскій вопросъ въ пониманіи русскаго добровольца 1876 года.

(Продолженіе). *)

«За Вѣру, Царя, Россію и славинство».

Девизъ русскихъ добровольцевъ.

Преемственная связь между православными имперіями, византийскою и русскою.

Византийская имперія пала въ 1453 году, но силою обстоятельствъ выработывалась преемственная связь между этою сходящею съ арены исторіи *православною* восточно-римскою или греческою имперіею и возникавшею ей на смѣну *православною же* Русскою Имперіею. Видимымъ и общепонятнымъ выраженіемъ и скрѣпленіемъ этой связи и явился бракъ Іоанна III съ племянницею послѣдняго византийскаго императора Софіею Палеологъ¹⁾.

*) См. «Военный Сборникъ» № 8, 1916 г.

¹⁾ С. Соловьевъ (изд. Тов. Общ. Польза), IV, 1155, 1156, 1253—1266, 1312, 1313, 1345; V, 1401—1411, 1491, 1501—1503, 1511, 1560, 1561, 1707, 1708, 1725 (по-слѣпія инока Филофея) и др.